Научная статья
УДК 811.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2026-3-65-72

ВЕЩНОЕ ПРАВО БУРЯТ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ XVIII–XIX вв. (на материале термина *юумэн*)

© **Брюханова Арюна Лопсоновна**
преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4
bryuxanowa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению одной из наиболее часто встречающихся лексических единиц, номинирующих имущество в бурятском языке XVIII–XIX вв., термина *юумэн*. Изучение терминов, обозначающих имущественные отношения, позволяет определить содержательные аспекты формирования терминологии бурятского языка и установить специфику развития правовых отношений того времени. В бурятском языке изучаемого периода общим наименованием вещей является *юумэн* — то, что может быть отделено от прочих вещей (взято в руки), произведено собственными руками или добыто. Этим словом буряты обозначали предметы материального мира, обладающие полезностью и имеющие экономическую ценность. Основанием отнесения данного слова к терминам имущества являются нейтральность, частотность воспроизведения и однозначность. Данный термин находится на периферии лексико-семантического поля «имущество» и реализует представления носителей языка о вещи, находящейся в собственности.

Ключевые слова: имущество, термин, вещь, правовые отношения, лексико-семантическое поле, хозяйство, обычное право, семантический анализ.

Для цитирования
Брюханова А. Л. Вещное право бурят в бурятском языке XVIII–XIX вв. (на материале термина *юумэн*) // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2026. Вып. 3. С. 65–72.

Введение

Понятие имущества чаще всего отождествляется с понятием собственности. При этом следует понимать, что собственность понимается и как вещь, и как отношение. Под имущественными отношениями чаще понимают отношения собственности [1, с. 27]. В правовом контексте термин «имущество» может трактоваться двояко: либо как совокупность материальных объектов, наделенных социальной значимостью, либо как комплекс имущественных правоотношений. В свою очередь, собственность представляет собой форму реализации правомочий владения, пользования и распоряжения касательно данных объектов.

С появлением письменности и началом кодификации норм обычного права возникают памятники писаного права. Как отмечает в своем диссертационном исследовании Е. С. Гылыкова [7], имущественные отношения бурят в XVIII–XIX вв. были обусловлены хозяйственной деятельностью населения. Традиционные формы хозяйствования — скотоводство, охота, звероловство и ремесленное дело — определили круг объектов имущественных отношений бурят, регулируемых обычаями, сюда входили вещи, деньги, работы, услуги и имущественные права. Исследование системы имущественных отношений у бурят служит ключом к пониманию фундаментальных основ их традиционной культуры, потому что в этой сфере очень наглядно переплетаются быт, хозяйство и правовые представления. Отношение человека к имуществу определяется сложными социокультурными, экономическими условиями, которые в ту или иную историческую эпоху диктуют разное представление о правовой подоплеке имущества, разное представление о правообладании, «моем» и «твоем». Формирование термина в языковом сознании носителей бурятского языка происходило на основе осмысления имущества как предметов материального мира, которые находятся в непосредственном владении и могут быть использованы в условиях номадного скотоводства при перекочевке с одних сезонных пастбищ на другие.

Материалом исследования послужили тексты исторических законодательных сводов: «Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности» [10], «Обычное право селенгинских бурят. Памятники старомонгольской письменности» [11], Описи имущества буддийских монастырей, Памятник монгольского феодального права XVIII в. «Халха Джирум» [9], кодекс монголо-ойратских законов 1640 г. «Их Цааз» [8]. Отраженный в изучаемых источниках кодекс обычного права был единственным видом правовых документов до присоединения Бурятии к России, имущественные и другие правовые отношения регулировались на основе установившихся правовых обычаев, передававшихся устно из поколения в поколение.

Материалы памятников права монгольских народов говорят об установившемся характере имущественной терминологии, в чем убеждают конкретные примеры их употребления в текстах разных статей законов [9]. Анализ языка источников «Обычного права хоринских бурят» и «Обычного права селенгинских бурят», а также Описи имущества дацанов позволил сформировать лексико-семантическое поле имущества в монгольских языках XVII–XIX вв., в которое вошли шесть терминов: *зөөри ‘имущество’, эд бараа ‘мелкое имущество, домашние вещи, скарб’, мал ‘скот’, зэмсэг ‘убранство коня, оружие’, юумэн ‘вещи’, бууса ‘стойбище’*. В историческом прошлом данные общеупотребительные слова стали использоваться для обозначения специальных понятий в области обычного права и реализуют один инвариантный дифференциальный признак обладания чем-либо, отнесенный А. Вежбицкой [3] к семантическим универсалиям. При формировании выборки терминов для исследования мы опирались на критерии, предложенные А. Гердом для лексикографирования: термин должен

быть общепринятым в профессиональной среде и органично вписываться в существующую логико-понятийную систему предметной области [5]. При отборе материала также учитывался принцип системности, учитывающий степень охвата и отражения всей понятийной области, в данном случае правовых имущественных отношений. Данный принцип был подробно описан С. В. Гриневым-Гриневичем: по его мнению, учет степени внедрения обеспечивает полноту словаря [6].

Целью данного исследования является доказательство отнесения термина *юумэн* к терминам имущества в монгольских языках посредством анализа функционирования данного термина в указанных выше источников.

В данном исследовании применялись описательный, сравнительный и текстуальный методы.

Результаты и обсуждение

Основная часть гражданских правоотношений носит имущественный характер, их объектом является то или иное имущество. В строгом смысле слова дефиниция «имущество» представляет собой совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей. Еще в русской цивилистике возникло смешение двух различных правовых категорий — «имущество» и «вещь». Г. Ф. Шершеневич [13] по этому вопросу отмечал, что наше законодательство не выдерживает терминологии и употребляет слово «имущество» вместо «вещь», а вместо имущества говорит о собственности или об имении (1902). «Русская Правда» говорит нам, что право собственности на движимые вещи с древнейших времен не было ограничено; собственник мог владеть, пользоваться и распоряжаться ими до их уничтожения [4].

На периферии лексико-семантического поля «имущество» в монгольских языках XVIII–XIX вв. функционирует термин *юумэн,* который переводится как «вещь» и эксплицирует представление о материальных предметах, находящихся в собственности. Основанием для отнесения данного слова к терминам имущества является прежде всего то, что под *юумэн* понималась совокупность предметов, принадлежащих человеку. В то же время присутствуют и другие признаки, которые указывают на то, что данное слово употреблялось как термин «имущества». *Юумэн* выполняет номинативную функцию и используется для обозначения как отдельных материальных предметов, так и их совокупности, имеющих определенную ценность и удовлетворяющих потребности владельца. Употребление *юумэн* демонстрирует системность употребления, когда слово отличается закономерными взаимосвязями с другими единицами языка, при которой оно функционирует не изолированно, а как элемент четко организованной системы. Так, в широком смысле данное слово представлено в 20 статьях Обычного права хоринских и селенгинских бурят, рассматривающих имущественные отношения, нормы правового регулирования.

Первичной формой частной собственности выступают движимые объекты, ключевой характеристикой которых является их мобильность при сохранении

функциональной целостности. Для кочевых сообществ данное свойство является фундаментальным условием эффективного владения и распоряжения имуществом. Поэтому в изучаемых памятниках общее наименование вещей есть *юумэн* — то, что может быть отделено от прочих вещей (взято в руки), произведено собственными руками или добыто, этим словом обозначаются именно движимые вещи. В примере ниже, мы можем увидеть, как реализуется семантический признак «обладания»:

(1) *Эрэ эмэ хоёр һайн ябаха сагтаа үгырөөд, эмын эмээл, хазаар, хоолобшо, алибаа юумые худалдажа эдеэд, һүүлээрнь эрэнь эмэеэ хаябалнь, эмын түрхэмүүд нэхэхэ эрхэгүй. Эрэ эмэ хоёр сугтаа эдиһэн тула нэхэхэ эрхэгүй. Харин эрын эмэтэйгээ һалаха үедэнь булта юумэнэй эдигдээ, худал-дагдаа болбол, эрэнь юумэнэй үнөөрнь түлэжэ бусааха ёһотой. Хэрбээ эрэ эмэеэ хаябал, тэрэ эмэеэ байһан энжэ, тоног, хубсаһатайнь бусааха ёһотой. Эмэеэ хаяһан хүн малаар энжэшье, түлөөһэшье абаха ёһогүй.*

‘Если муж и жена, обеднев во время согласной жизни, продадут седло, узду, ожерелье и прочие вещи жены и проедят, а потом муж покинет свою жену, то родственники жены пусть не взыскивают. Не взыскивают потому, что муж и жена полностью проедали вместе. Если же будет продано и проедено в тот момент, когда муж покидал жену, то он должен возместить их стоимость. Если муж хочет оставить жену, то должен возвратить ее вместе с пожитками и одеждой, какие у нее имеются. Человек, который оставил свою жену, не должен получать скотом ни андзу, ни выкуп’ (Уложение 1788 г.)

Сочетание *юумые худалдажа* (продавать имущество, пожитки) показывает нам, что в данном случае *юумэн* выступает в значении движимого имущества, которое можно продавать или передавать. В данном примере реализуется один из основных семантических признаков — признак «распоряжения».

В «Халха джируме» встречаются статьи, где слово «вещь» обозначается как «имущество», например *sang-un yayuma (I, 3–128)* ‘казенное имущество’, *obere oluysan yayuma* (XIII, 14–252) ‘лично заработанное’, *tataly-a bolqu ugei yayuma* (XIII, 7–250) ‘вещи, не подлежащие обложению налогом, пошлинами’.

(2) *yiru ger-iyen tebcizii toyin boluysan-i yirtenou eien noyan-du tatalya yabiy-a ügei, oberun toluyai ober-iyan medeku, ob-tur-inu qan ba qaracu izayur-un ezen, siiziig ba qayira-bar nigmusun oggugsen ed mal kumun-i ba basa ber toyin ober-iyan oluysan tataly-a ügei, **yayumaban** ober-iyan medeku, egiin-du alba kiged neng ulay-a sigiisii iigei (XIII, 18256).*

*‘Посвятивший себя в монахи и оставивший свою семью освобождается от налогов в пользу мирских господ и нойонов. Монах распоряжается самостоятельно всем **имуществом**, скотом и людьми, которые были ему пожалованы или поднесены людьми благородного или простого звания по их доброй воле, а равно и всем, что сам приобрел и что не подлежит обложению. Монахи свободны от повинностей и предоставления обычных подвод и довольствия’.*

Главной семой для всех лексико-семантических вариантов слова *юумэн* явилась сема ‘собственность, принадлежность имущества кому-либо’. Как показано в примерах из «Халха Джирума», в семантике термина *юумэн* лежит ценность данного имущества, вещи, которые показывали статус человека. При этом данными вещами владели и рапоряжались монахи и уважаемые люди.

Аналогичные примеры употребления термина *юумэн* в значении ценного движимого имущества, находящегося в собственности мы встречаем в кодексе монголо-ойратских законов 1640 г. «Их цааз» в переводе С. Д. Дылыкова.

(3) *«95 Если человек погибнет, спасая людей во время пожара или на воде, то /наследники его/ должны получить девяток с ценной вещью.*

95.1. Если при этом погибнет и его лошадь, то она должна быть возмещена еще ценной вещью».

177. Кто выступит свидетелем чего-либо, тот должен получить из штрафа скотом девяток. Но /свидетеля по имущественному иску/ награждать сообразно с количеством вещей» [8].

Понятие *юумэн* ‘вещь’ сформировалось в результате осмысления вещи как рукотворного предмета, имеющего ценность и способного выступать предметом наследования, дарения и пр. Дальнейший путь семантического развития слова шел по пути семантического перехода *конкретное → абстрактное*. В уложениях хоринских и селенгинских бурят *юумэн* используется для номинации правовых имущественных отношений и служит для обозначения конкретных вещей, находящихся в собственности.

(4) *Эрээ үхүүлһэн бэлбэсэн һамган түрхэмдөө харижа бусаха болбол, анхандаа түрхэмһөө ерэхэдээ мори, эмээл, хубсаһан, шэмэгтэй ерэһэн болбол, моритой, тахилтай, эмээлтэй хубсаһанһаа һайниинь абажа зэмсэгтэй бусаха. Түрхэмһөө ерэхэдээ морин, эмээл, хубсаһан, зэмсэггүй ерэһэн бол, эрынь зөөри элбэг байгаа бол, моритой, эмээлтэй, үмдэһэн хубсаһанһаа абаха, зүүжэ ябаһан шэмэгүүдээ абаха. Зөөригүй байгаа һаань, үмдэһэн хубсаһанһаа абаад, ондоо юумэ абажа болохогүй. ‘Если вдова после смерти мужа захочет возвратиться в родительский дом, и если при замужестве она пришла с конем, конской упряжью, одеждой и украшениями, то должна, возвращаясь домой, взять коня, дэгэл, конскую упряжь, по одной лучшей паре одежды. В случае если от родителей она приехала без конской упряжи, одежды, скарба и если у мужа богатое имущество, может забрать коня, конскую упряжь, по одной паре добротной одежды и украшения, которые носила, если имущество мужа недостаточное, скудное, то кроме одежды, которую она носит, ничего другого брать не может’* (Степное уложение 1823 г.).

Лексическое значение ‘материальная обеспеченность, состояние’ у слова реализуется в высказывании: «*зөөри үгы байгаа һаань, үмдэһэн хубсаһанһаа абаад, ондоо* ***юумэ*** *абажа болохогүй*», — в котором «отсутствие имущества у мужа», являющееся условием возвращения невестки домой без своего состояния, следует понимать как отсутствие достатка у мужа, его материальной обеспеченности.

Сочетание «***юумэ*** *абажа*» показывает, что под термином *юумэн* понимается движимое имущество, которое можно забирать и распоряжаться.

В значении имущества термин *юумэн* появляется в «Ведомости Тугну-Галтайского дацана “Дашичойнхорлинг” об имуществе дацана и стоимости его больших сумэ на 1 января 1901 года».

(5) *Дасан һүмэд түрүүтэндэ хабаатай юумэнүүдынь. ‘Имущество, относящееся к главному зданию дацана и храмам’.*

(6) *Опись монастырского имущества Янгажинского дацана.*

Янгаажанай дасангай доторхи бурхан ном болон буса зүйлэй жасын һанда хабаатай алибаа юумэнүүдэй ба дасангай модон барилгануудай тухай ведомость 1878 ондо январиин 1-нэй үдэр. ‘Опись имущества, священных книг и других предметов из фонда Янгажинского дацана и ведомость деревянных построек дацана’. 1 января 1878 год.

В примерах (5) и (6) мы можем увидеть, что данный термин использовался именно как общее наименование имущества, совокупность материальных ценностей дацанов, которые подвергались описи. Вещь понимается как имущество общественное, принадлежащее дацану, что позволяет проследить семантические признаки «владения» и «обладания».

Главной составной частью имущества являются вещи, именно посредством них удовлетворяется основная масса потребностей субъектов. Вещь — это предмет материального мира, который может находиться в обладании человека и служить удовлетворению его потребностей. Вещь как физическое тело материальна и имеет пространственные пределы, поэтому ее легко и удобно присваивать, что сделало вещи исторически первым классом объектов гражданских правоотношений.

(7) *Хэн хүн алибаа юумэ хулгайдаа абтаха сагтаа тэрэ хүниинь ахалагчидтаа дза байсын табиха болбасу…* (№ 92). ‘*Если у кого случится кража, то этот человек должен подавать записку главному сайту (предводителю родовых начальников) только в случае, если украденное будет заключаться в крупном скоте или в большом имуществе…’*

В примере (7) мы можем проследить, что в начале статьи имущество обозначается словом *юумэн* как совокупность вещей, принадлежащих человеку, а в далее уже конкретизируется, что понимается под понятием имущества *мал* и *ехэ эд бараа (*крупный скот и большое имущество). Проявляется и аксиологический признак имущества, то, что может быть украдено (*юумэн хулгайхадаа абтаха).*

Таким образом, семантика слова *юумэн* предельно широка и в высшей степени динамична. Следует отметить, что семантическое развитие данной лексической единицы шло по пути дальнейшего расширения, в современном бурятском языке оно достигло высшей степени абстракции и используется для номинации вещи как таковой. Данное слово в современном бурятском языке многозначно: 1) вещь, вещи, имущество, пожитки, то есть вся совокупность материальных предметов, вещей, используемых человеком в повседневной жизни; 2) употреб-

ляется в значении местоимения (что-то, что-нибудь, нечто); иногда все, с отрицанием ничто; 3) слово-заместитель; 4) предмет или явление, о котором идет речь [12]. Вышеперечисленные значения объединяются общей семой ‘вещь, предмет’.

Литература

1. Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права. Москва, 1959. 302 с.

2. Брюханова А. Л., Майоров А. П. Слово *зөөри* как терминологическое наименование имущества в бурятском языке в XVIII–XIX вв. (на материале «Степных уложений хоринских бурят» и «Степных уложений селенгинских бурят») // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2018. № 2. С. 8–16.

3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Грамматическая семантика. Ключевые концепты культур. Сценарии поведения. Москва: Языки русской культуры, 1999. 776 с.

4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Москва: Территория будущего, 2005. 798 с.

5. Герд А. С. Основы научно-технической лексикографии (как работать над терминологическим словарем). Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 72 с.

6. Гринев-Гриневич С. В. Терминоведение. Москва: Академия, 2008. 304 с.

7. Гылыкова Е. С. Обычное право бурят (историко-правовое исследование): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2005. 22 с.

8. Дылыков С. Д. Их цааз («Великое уложение»): памятник монгольского феодального права XVII в.: ойратский текст. Москва: Наука, 1981. 148 с.

9. Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. Москва: Изд-во Ин-та языкознания РАН, 2012. 268 с.

10. Цибиков Б. Д. Обычное право хоринских бурят: Памятники старомонгольской письменности. Новосибирск: Наука, 1992. 312 с.

11. Цибиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 282 с.

12. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с.

13. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). Москва: Спарк, 1995. 556 с.

Статья поступила в редакцию 11.06.2026; одобрена после рецензирования 07.09.2026; принята к публикации 23.09.2026.

THE PROPERTY LAW OF THE BURYATS IN THE BURYAT LANGUAGE OF THE 18TH AND 19TH CENTURIES (BASED ON THE TERM YUUMEN)

Aryuna L. Bryukhanova
Lecturer
Department of Philology of the Far East Countries
Dorzhi Banzarov Buryat State University
4 Ranzhurova St., 670000 Ulan-Ude, Russia
bryuxanowa@yandex.ru

Abstract. The article aims to the study of the term *yuumen*, one of the most frequently occurring lexical units denoting property in the Buryat language of the 18th and 19th centuries. Investigating the terminology of property relations makes it possible to identify the substantive aspects shaping the development of the Buryat legal lexicon and to establish the specific nature of the evolution of legal relations during that period. In the Buryat language of the period under study, *yuumen* serves as a general designation for things – specifically, anything that can be separated from other objects (*held in one's hands*), manufactured by one's own hands, or acquired. The Buryats used this word to denote objects of the material world that possessed utility and carried economic value. The grounds for classifying this word as a property term primarily include its stylistic neutrality, high frequency of usage, and monosemy (unambiguity). This term is located on the periphery of the lexical-semantic field of *property* and reflects the native speakers' conceptions of an object held in ownership.
Keywords: property, term, thing, legal relations, lexical-semantic field, economy, customary law, semantic analysis.

For citation
Bryukhanova A. L. The Property Law of the Buryats in the Buryat Language of the 18th and 19th Centuries: Based on the Term Yuumen. *Bullet of Buryat State University. Philology*. 2026; 3: 65–72 (in Russ).

The article was submitted 11.06.2026, approved after reviewing 07.09.2026; accepted for publication 23.09.2026.